

важный санъ конюшаго. Черезъ два года послѣ рожденія Ивана, Елена родила другого сына, Юрія.

Въ послѣдніе годы царствованія Василия, Казань снова отдалась подъ прежнюю власть Москвы. Сами казанцы выгнали Сафа-Гирея, заклятаго врага Москвы, и изъявили желаніе принять царя отъ руки московскаго государя, но просили не посылать къ нимъ прежняго, Шигъ-Алея, опасаясь отъ него мести за изгнаніе. Василій Ивановичъ въ 1531 году послалъ имъ въ цари брата Шигъ-Алеева, Еналея, а Шигъ-Алею далъ Коширу и Серпуховъ, но въ январѣ 1532 года, за сношенія съ Казанью безъ его вѣдома, государь лишилъ Шигъ-Алея этихъ городовъ и сослалъ вмѣстѣ съ женою на Бѣлоозеро, гдѣ велѣлъ держать подъ стражею. Изгнаніе Сафа-Гирея изъ Казани усилило непріязненныя отношенія съ Крымомъ, гдѣ царствовалъ братъ его Саипъ-Гирей, бывшій нѣкогда царемъ въ Казани. Крымцы сдѣлали набѣгъ на предѣлы Московскаго Государства въ 1533 году, но были отбиты. Противъ нихъ отличился Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій.

Кончина великаго князя Василия на пятьдесятъ-пятомъ году жизни послужила поводомъ къ ея подробному описанію въ нашихъ лѣтописяхъ, замѣчательному по обилію чертъ нравовъ и быта того времени.

Лѣтомъ 1533 года отправился Василій съ женою и дѣтьми къ Троицкой обители, а оттуда на охоту въ Волокъ-Ламскій, и тутъ постигла его болѣзнь: на лѣвой ногѣ сдѣлался у него подкожный нарывъ. Однако, Василій послалъ за ловчими и, переѣзжая изъ села въ село, охотился. Добѣхавъ до Колпа, онъ послалъ пригласить на охоту брата своего Андрея Ивановича, который тотчасъ же прибылъ на зовъ его. Желая скрыть отъ него болѣзнь, Василій выѣхалъ съ нимъ на поле съ собаками, но, отѣхавъ версты двѣ, совершенно изнемогъ, принужденъ былъ вернуться обратно въ Колпъ и слегъ въ постель. Тутъ велѣлъ онъ послать въ Москву за Михаиломъ Глинскимъ и своими лекарями: Николаемъ Люевымъ и Фефиломъ. Тѣ пріѣхали и съ общаго совѣта принялись лечить его припарками; но пользы было мало. Такъ прошло двѣ недѣли. Василій послалъ въ Москву стряпчаго своего Мансурова и дьяка Меньшого Путятина за своею и отцовскою духовною, настрого приказавъ имъ не говорить ничего митрополиту, княгинѣ и боярамъ. Они исполнили приказъ. Василій тайкомъ отъ всѣхъ велѣлъ сжечь свою духовную и сталъ думать со своими боярами: какъ бы ему вернуться въ Москву. Изъ бояръ были съ нимъ тогда: князь Димитрій Бѣль-

скій, Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дворецкіе его: князь Иванъ Кубенскій и Иванъ Шигона. Великій князь рѣшилъ ѣхать изъ Волока въ Іосифовъ монастырь. Больного повезли въ каптанѣ (возкѣ); съ нимъ сѣли двое людей, которые переворачивали его съ боку на бокъ. Въ монастырѣ у воротъ встрѣтилъ Василія игумень съ братією, съ образами и свѣчами. Великаго князя взяли подъ руки и повели въ церковь, гдѣ уже ждала его великая княгиня съ дѣтьми. Василій слушалъ литургію, лежа на одрѣ, на паперти церковной. На другое утро великій князь отпустилъ брата своего Андрея и собрался въ Москву. Его повезли тѣмъ же порядкомъ. Остановки были частыя. Великому князю становилось все хуже, и сталъ онъ думать съ боярами, какъ бы ему пріѣхать тайкомъ въ Москву, такъ какъ тамъ было много иноземцевъ и пословъ. Наконецъ, доѣхали они до Москвы. Великій князь велѣлъ призвать всѣхъ своихъ бояръ, сталъ говорить имъ о своемъ малолѣтнемъ сынѣ Иванѣ, о томъ, какъ строится царству послѣ него; и тутъ же приказалъ своимъ дьякамъ писать новую духовную. Въ это время съѣхались и братья его. Василій поручалъ имъ великую княгиню и дѣтей, напоминая имъ крестное цѣлованіе, и приказывалъ служить вѣрно сыну его, „неподвижно“, какъ ему служили. Съ тѣмъ же обращался онъ многократно къ митрополиту и боярамъ и молилъ митрополита постричь его. Къ боярамъ своимъ онъ, кромѣ того, обратился съ такой рѣчью: поручаю вамъ Михаила Львовича Глинскаго; человекъ онъ пріѣзжій; и вы бы того не говорили, что онъ пріѣзжій: держите его за здѣшняго уроженца, потому что онъ мнѣ вѣрный слуга...

Василій, между тѣмъ, испытывалъ страшныя мученія: рана его воспалилась; отъ нея шелъ сильный смрадъ. Боязнь за будущность сына усиливала его мученія. Въ тоскѣ обратился онъ къ своему лекарю Николаю Люеву и сказалъ ему: „Брате Миколае! ты видѣлъ мое великое жалованье къ себѣ: можно ли тебѣ сдѣлать мазь или иное-что, чтобы облегчить болѣзнь мою?“

Николай отвѣчалъ великому князю: „Видѣлъ я, государь, твое государево жалованье великое; если бы можно, тѣло свое раздробилъ бы тебя ради, государя, но дума моя немощна безъ Божьей помощи“.

Великій князь отвернулся и, обратившись къ окружающимъ, сказалъ: „братіе! Миколай гораздо понялъ болѣзнь мою, ей ничто не пособить; нужно, братіе, думать, чтобы душа не погибла во вѣки.“

Василій началъ готовиться къ смерти, причастился св. Таинъ. Къ нему пріѣхалъ троицкій игумень Іоасафъ; онъ и его просилъ о женѣ и дѣтяхъ.

Къ Василию пришли братья и стали понуждать его вкусить пищи: великій князь поднесъ къ губамъ миндальной каши, но тотчасъ же оставилъ ее. Кромѣ братьевъ, были еще при немъ: Михайло Юрьевъ, князь Михайло Глинскій и Шигона. Василій сказалъ имъ: „вижу самъ, что животъ мой къ смерти приближается, хочу послать за сыномъ моимъ Иваномъ и благословить его крестомъ Петра Чудотворца, хочу послать за женой своей великой княгиней и наказать ей, какъ ей быть по моей смерти“, но потомъ одумался и сказалъ: „не хочу посылать за сыномъ моимъ, за великимъ княземъ за Иваномъ: сынъ мой малъ, а я лежу въ великой немочи, а то—испугается меня сынъ мой“.

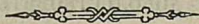
Князь Андрей и бояре начали уговаривать его, чтобы онъ послалъ за сыномъ и княгиней. Великій князь велѣлъ себѣ принести напередъ сына и надѣлъ на себя крестъ Петра Чудотворца. Малолѣтняго Ивана принесъ шуринъ его, князь Иванъ Глинскій; за нимъ шла мамка Аграфена Челяднина. Великій князь снялъ съ себя крестъ Петра, благословилъ сына и отпустилъ, сказавъ Челядниной: „чтобы ты, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступала ни пяди“. Затѣмъ ввели великую княгиню; она громко плакала, билась, едва держась на ногахъ. Великій князь сталъ утѣшать ее, говоря, что ему легче и у него ничего не болитъ. Поуспокоившись, Елена спросила мужа: „Государь князь великій! на кого меня оставляешь и кому, государь, дѣтей приказываешь?“ Великій князь отвѣтилъ: „Благословилъ я сына своего Ивана государствомъ и великимъ княженіемъ: а тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ въ прежнихъ духовныхъ грамотахъ отцовъ нашихъ и прародителей, по достоянію, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ“. Елена стала просить мужа благословить второго сына. Великій князь послалъ за Юріемъ, благословилъ его Паисіевскимъ крестомъ, а о вотчинѣ, назначенной ему, сказалъ: „приказалъ я, и въ духовной грамотѣ написалъ объ этомъ по достоянію“. Хотѣлъ-было Василій наказать женѣ о житьѣ ея послѣ него, но она такъ кричала и вопила, что не дала ему сказать ни слова, и онъ отослалъ ее. Тутъ великій князь сдѣлалъ еще нѣкоторые посмертныя распоряженія, и, наконецъ, призвавъ къ себѣ митрополита Даніила и владыку коломенскаго Вассіана, сказалъ имъ: „видите сами, изнемогъ и къ концу приблизился, а желаніе мое давно было постричься: постригите меня“. Митрополитъ Даніиль и бояринъ Михайло

Юрьевичъ похвалили его за намѣреніе, но нѣкоторые изъ бояръ стали отговаривать великаго князя, припоминая, что не всѣ великіе князья преставились въ чернецахъ, и самъ святой князь Владимиръ кіевскій умеръ не въ чернецахъ. И былъ между ними большой споръ. Василій стоялъ на своемъ. Надъ нимъ совершили обрядъ постриженія. Когда обрядъ оканчивался, Василій отошелъ въ вѣчность.

Тогда митрополитъ Даніилъ повелъ братьевъ великаго князя Юрія и Андрея въ переднюю избу и привелъ къ крестному цѣлованію на томъ, чтобы они служили великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и матери его великой княгинѣ Еленѣ и жили бы въ своихъ удѣлахъ; чтобы государства имъ подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть, ни людей имъ отъ великаго князя Ивана къ себѣ не отзывать, и чтобы стоять имъ за-одинъ противъ недруговъ великаго князя и своихъ: латинства и бесерменства. Затѣмъ Даніилъ привелъ къ крестному цѣлованію бояръ, боярскихъ дѣтей и княжатъ, и пошелъ къ Еленѣ утѣшать ее. Елена — рассказываетъ лѣтописецъ — видя идущихъ къ ней митрополита, Васильевыхъ братьевъ и бояръ, упала на землю какъ мертвая, и, пролежавши два часа, насилу очнулась.

Троицкій игуменъ Іоасафъ и старцы Іосифова монастыря наряжали усопшаго: расчесали ему бороду, подстлали подъ него черную тафтяную постель, положили тѣло на одрѣ, начали надъ усопшимъ служить заутреню, часы и каноны, какъ дѣлалось при живомъ. Приходило къ нему прощаться много народу: и боярскіе дѣти, и княжата, и гости, и другіе люди, и былъ плачь великій. Наконецъ, митрополитъ велѣлъ звонить въ большой колоколъ. Троицкіе и Іосифовскіе старцы понесли тѣло великаго князя на головахъ въ переднюю избу, а оттуда на крыльцо и вынесли на площадь. Дѣти боярскіе вынесли великую княгиню Елену изъ ея хоромъ въ саняхъ; позади шли князья Василій и Иванъ Шуйскіе, Михайло Львовичъ Глинскій. Василія схоронили возлѣ отца, въ каменномъ гробѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

XVI.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛЬ СОРСКИЙ И ВАССИАНЪ
КНЯЗЬ ПАТРИКЪЕВЪ.

Тогда какъ еретическое направленіе, начавши нападками на злоупотребленія въ іерархіи, дошло, наконецъ, до отрицанія основныхъ началъ вѣры, въ нѣдрахъ строго вѣрнаго догматамъ православія явилось направленіе, расходившееся съ усвоеннымъ на Руси складомъ религіозныхъ воззрѣній. Направленіе это преимущественно нашло себѣ пріютъ и развивалось въ сѣверномъ краѣ, сосѣднемъ Бѣлоозеру, отчего послѣдователи его въ XVI столѣтіи носили названіе бѣлозерскихъ или заволжскихъ старцевъ. Первымъ представителемъ этого направленія былъ преподобный Ниль Сорскій. Родился онъ въ 1433 году. Жизнь его чрезвычайно проста и несложна. Родители его намъ неизвѣстны; знаемъ только, что мірское прозвище его было Майковъ, и самъ онъ называетъ себя поселяниномъ. Въ юности онъ постригся въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, и, проживши тамъ нѣсколько времени, отправился странствовать на Востокъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Иннокентіемъ Охлябининымъ; пробылъ, между прочимъ, нѣсколько лѣтъ на Аѳонѣ, изучилъ, какъ показываютъ его сочиненія, греческій языкъ, основательно познакомился съ твореніями св. отцовъ и со многими произведеніями духовной литературы. Послѣ многихъ лѣтъ странствованія, онъ воротился въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, но не ужился тамъ. Его поэтическая натура не могла довольствоваться тѣмъ господствомъ внѣшности, которое онъ встрѣчалъ въ русскомъ монашествѣ и вообще въ русскомъ благочестіи. Онъ удалился за пятнадцать верстъ отъ монастыря, къ рѣкѣ Сорѣ, соорудилъ себѣ часовню и келью, а потомъ, когда къ нему сошлось нѣсколько братій, построилъ церковь. Такимъ образомъ, основалось монашеское това-